

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ

НЕОЖИДАННОЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

ЗАПИСКИ СЕРГЕЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА

**АНАТОЛИЙ
БЕЗУГЛОВ**

НЕОЖИДАННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

П Р И З Н А Н И Е

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА · 1962

34C6
Б 40

НЕОЖИДАННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

— Неприятная история у нас вышла, — сказал Коршунов, заместитель председателя райпотребсоюза.

Он открыл портфель и положил мне на стол лист бумаги. Это акт. Я быстро пробежал его глазами: «...Экспедитор Кривель получил 11 октября 1960 года на базе облпотребсоюза товара на сто двадцать пять тысяч рублей, а привез только на сто десять тысяч. Не хватает рулона зеленого драпа. Стоимость его — пятнадцать тысяч рублей...»

— Когда приехал Кривель? — спросил я Коршунова.

— Вчера вечером.

— И сразу же была обнаружена недостача?

— Да.

— Что говорит Кривель?

— Говорит, что товар отпустили ему полностью, и куда делся драп, он не знает...

— Как он держал себя?

— Был выпивши и говорил как-то невразумительно.

— Товар привезли вовремя или с опозданием?

— Видите ли, сейчас такая погода, дожди, дороги все размыты, и опозданию мы не придали значения.

— С Кривелем ездил кто-нибудь еще получать товар?

— Шофер Самыкин.

— Какого вы мнения о Кривеле?

— Работает он у нас около года. Исполнительный человек, и раньше за ним ничего предосудительного не замечали.

...Я сижу за столом и смотрю на акт. Какая странная фамилия — Кривель. Пытаюсь представить себе этого человека. Он почему-то кажется мне пожилым, в полувоенной форме, которую так любят экспедиторы. Если бы меня спросили, подозреваю ли я его, я бы ответил отрицательно. Уж очень нелогично получается. Ведь Кривель знал, что в случае пропажи товара отвечать придется ему. Так или иначе, надо срочно допросить и Кривеля, и Самыкина. Но если этот допрос ничего не даст? Что тогда предпринять? Впрочем, стоит ли заранее предугадывать события. Пока факты такие: пропажа драпа и то, что Кривель приехал пьяным. Если он был пьян, значит, заезжал куда-то по дороге. Надо особое внимание уделить остановкам, которые они делали, когда возвращались с товаром, и узнать, где выпил Кривель.

* *
*

На вид ему около тридцати лет. Это широкоплечий человек, среднего роста, с черной выющейся шевелюрой. И одет он не в полувоенную форму, а в обыкновенный грубошерстный синий костюм, рукава которого изрядно потертые. Держится спокойно, смотрит мне в глаза и добросовестно отвечает на все вопросы. Трудно заподозрить в этом человеке преступника.

— Расскажите о вашей поездке за товаром.

Кривель лезет в карман, достает смятую пачку папирос.

— Разрешите?

Он закуривает и начинает рассказывать.

— Мы, то есть я и шофер Самыкин, получив на базе облпотребсоюза товар, поехали обратно. По дороге заехали на хутор «Зеленый». Там открыли магазин без продавцов, и мне давно хотелось побывать в нем. Ну, а потом отправились домой...

— Скажите, долго вы пробыли в магазине?

- Минут десять.
- Самыкин ходил с вами?
- Нет, он остался около машины.
- А когда вы вернулись, то не заместили пропажи?
- Пропажки не было. Я это могу точно сказать, потому что осмотрел по возвращении весь товар.
- Больше никуда вы не заезжали?
- Кривель молча курит, потом не совсем уверенно говорит:
- Н-нет,— и тверже добавляет: — Мы больше никуда не заезжали.
- Коршунов сказал мне, что вы приехали пьяным.
- Ну, пьяным — это слишком сильно сказано,— улыбается Кривель,— немного выпил, это точно. Но посудите сами: погода какая! Дождь целый день, промок я, продрог. Выпил, так сказать, в медицинских целях.
- А где вы пили?
- В машине. Купил четвертинку в «Зеленом»...
- Что вы сами думаете по поводу исчезновения драна?
- Не знаю, право, что и подумать...
- Мне кажется, что говорит он искренне. Этот человек как-то сразу расположил меня к себе. А может, все-таки, он что-то не договаривает?
- Подписав протокол допроса, Кривель встает.
- У меня к вам последний вопрос,— говорю я,— что вы думаете о Самыкине?
- О Самыкине?.. Он сидел в тюрьме. И, конечно, в связи с этим могут возникнуть подозрения... Но хотя я Самыкина знаю немного, мне кажется, что это не его рук дело.
- Ну, спасибо, теперь можете идти.
- Самыкин уже ждет меня в приемной и после ухода Кривеля сразу заходит в кабинет. В грязном замасленном комбинезоне, в кепке, он останавливается у двери.
- Садитесь.
- Я уж постою, а то еще попачкаю вашу шикарную мебель.
- Садитесь,— повторяю я приглашение,— нам предстоит долгий разговор.
- А я и не тороплюсь, как сказал однажды приговоренный к повешенью, когда петля соскочила с его шеи.
- Мрачно вы шутите, Самыкин.
- Знаете, ваше учреждение к веселью что-то не располагает,

Самыкин в отличие от Кривеля внушает антипатию. Мне кажется, что своими шуточками и прибаутками он хочет заглушить в себе страх. В моем кабинете ему явно не по себе. «Человек, который чувствует себя невиновным, так, пожалуй, не будет себя вести», — думаю я, разглядывая Самыкина. У него широкое лицо, большой покатый лоб, маленькие черные глаза.

Его допрос ничего не прибавил к тому, что я уже знал. Показания Самыкина совпадали с рассказом Кривеля. Я спросил, как бы между прочим, за что он отбывал наказание.

— А что, гражданин следователь, если я однажды в жизни сглупил, то теперь до гроба мне это будут помнить? А то, что Самыкин уже два года не ездит налево, никого не интересуется? А то, что он не использует машину для поездок к своим зазнобам, как некоторые хорошие вроде Кривеля, тоже никого не интересуется?..

— Куда же вы возили Кривеля вчера?

Самыкин помолчал, потом посмотрел мне в глаза и сказал:

— Я не думаю, что Кривель украл драп. Но когда мы ехали обратно, Кривель попросил заехать на железнодорожный разъезд «Восточный», который находится в стороне от нашей дороги. Там у Кривеля зазноба живет. Как в том направлении едем, так всегда и заезжаем. А делается все это в великой тайне, поскольку у него жена есть. А жена у Кривеля, не приведи господи, волчица, да что волчица — тигрица. Узнает — убьет.

— Когда вы приехали, то оба вошли в дом?

— Нет. Сначала в дом вошел Кривель. Сколько он там был, не знаю: задремал я немного. Потом пошел я, а Кривель остался у машины. Продрогли мы в тот день здорово, мокрые были насквозь. Спасибо Зое — так знакомую Кривеля зовут, — чайком меня напоила, барахлишко на печке высушила. Сердечный она человек...

* *
*

Кто же из них врёт? Кривель или Самыкин? Я больше верил Кривелю. Но и показания Самыкина надо проверить. Ведь нельзя не верить человеку только потому, что внешность его внушает антипатию. Надо будет самому съездить

на этот разезд и поговорить с женщиной, к которой ездит Кривель. Но сначала нужно допросить еще раз Кривеля. Возможно, теперь его допрос и прольет свет на все дело.

Но второй допрос Кривеля, как и первый, не внес ясности. Он не отрицал, что раньше заезжал на разезд, но утверждал, что в этот раз там не был.

Я отправился на разезд. В пути я думал о предстоящем разговоре с Зоей, от показаний которой сейчас многое зависело. Если она скажет, что Кривель приезжал в тот вечер, значит, он неспроста скрывает от меня правду, если же она ответит отрицательно, то тогда очевидно, что Самыкин умышленно путает дело, пытаясь бросить тень на Кривеля. Но можно ли верить Зое? Возможно, что Кривель, если он виновен, узнав у Самыкина, что тот на допросе упомянул Зою, предупредит ее. Но почему я должен не доверять Кривелю и Зое? Никаких оснований у меня для этого нет. Я вспомнил своего старого институтского профессора Павла Николаевича Югова. Он говорил нам:

— В вашей будущей работе, молодые люди, никогда не делайте решающих выводов на основе недоверия. Верьте людям, и они оправдают ваше доверие...

Наш газик рычал из последних сил. Размытая долгими дождями дорога представляла собой нескончаемую цепь ухабов и рытвин. Шофер Костя втихомолку чертыхался. Ехали мы медленно, и мне уже порядком надоела бесконечная тряска. Вдруг машина остановилась.

— В чем дело, Костя?

— Баллон спустил.

— Долгая история?

— Нет. «Запаска» у меня в порядке.

— А далеко еще ехать?

— Да почти приехали. Вон, видите за тем бугорком виднеется домик? Это и есть разезд.

— Тогда я пойду пешком, а ты, как все сделаешь, заедешь за мной.

До разъезда было примерно с километр. Влево от дороги начиналась лесополоса, которая скрывала железнодорожную насыпь. Я услышал шум приближающегося поезда. Через минуту в просветах между деревьями замелькали вагоны, и над лесом повисла белоснежная струя пара.

А вот и маленький железнодорожный домик. Я постучал в дверь. Никто не ответил.

— Вы ко мне? — спросил кто-то у меня за спиной.

Я оглянулся и увидел женщину в брезентовом плаще с капюшоном, который почти целиком закрывал ее лицо.

— Наверное, к вам. Я следователь.

Она достала из-под крыльца ключ и открыла дверь.

— Проходите, пожалуйста.

Через небольшие сени мы прошли в комнату. Хозяйка сняла плащ. Она была невысокого роста, немного полная. Мягкий овал лица, серые добрые глаза. Русые волосы собраны сзади в большой пучок.

— У меня к вам несколько вопросов, — начал я. — Вы знакомы с Кривелем?

— Да, я хорошо знаю Бориса.

— И давно вы знакомы?

— Давно... — она задумалась. — Лет семь. Познакомились еще до того, как он женился.

— Он часто бывает у вас?

— Часто.

— А в минувший вторник, одиннадцатого числа, он был?

Она отрицательно покачала головой.

— Значит, не был?

Прежде чем ответить, она немного помедлила.

— Нет, в прошлый вторник его не было.

— А Самыкина вы знаете?

— Видела несколько раз. Он приезжал вместе с Борисом.

— Самыкин утверждает, что они были у вас во вторник, одиннадцатого октября.

Она недоуменно пожала плечами.

— Ну, у меня вопросов больше нет.

Она подписала протокол допроса и тревожно посмотрела на меня.

— Поверьте — он честный человек. Конечно, как и у всех людей, у него есть свои недостатки, но он честен...

Машина уже ждала меня у дома. Мы поехали обратно. Я достал протокол допроса и стал рассматривать подпись Зои. Полудетским почерком было выведено: «З. Иванцова». Некоторые утверждают, что по почерку можно определять характер людей. Они, очевидно, сказали бы, что это подпись бесхитростного человека.

Мне казалось, что Зое можно верить. Значит — Самыкин... Может быть, он придумал всю эту историю, чтобы вы-

играть время, замести следы? А что если пойти по самому простому пути: произвести у него обыск? Но если Самыкин и украл драп, то уже давно спрятал его. И все-таки этот обыск может дать мне доказательства его вины или, по крайней мере, натолкнуть на верный след.

* * *

Обыск произвели вечером того же дня. Самого Самыкина дома не было.

— Еще не приходил с работы,— сказала его жена Анна Ивановна, худая женщина с усталым лицом.

Узнав, что я из прокуратуры, она засуетилась, забежала по комнате, переставляя для чего-то безделушки на комод. Она нервничала, и было видно, что хочет спросить что-то, но не решается. Наконец, она подошла ко мне. В ее глазах стояли слезы.

— Скажите мне сразу всю правду, что он сделал?

— Успокойтесь, Анна Ивановна. Весьма возможно, что ваш муж не виновен...

— Есть,— прервал меня голос нашего следователя-стажера.

Из большого сундука в передней извлекли отрез зеленого драпа, точно такого, как и пропавший. Измеряем. В отрезе три метра. Я вопросительно смотрю на Анну Ивановну.

— Откуда у вас этот отрез?

— Купил муж,— волнуясь, заговорила она.— Во вторник он уезжал за товаром. Мы с ним в этот день немного повздорили. А приехал он в тот же день ночью, пришел домой усталый и сразу спать завалился. А утром сказал: «Ну, хватит нам с тобой грызться. Я вот тебе подарок купил». И дал мне этот отрез. «У тебя,— говорит,— пальто нет, вот и сошьешь». Я еще тогда удивилась: не очень-то я привыкла, чтобы муж обо мне заботился...

— В какой вторник он вам привез отрез?

— В этот, последний.

Я не ожидал, что обыск даст такие результаты. Уж слишком все просто и гладко получилось. Правда, найден не весь драп, но все же. Неужели Самыкин не понимал, что его подозревают и могут произвести обыск? Почему он не спрятал и этот отрез? Да, слишком уж все гладко...

Хлопнула дверь, вошел Самыкин.

— Что, гражданин начальник,— сказал он,— в гости ко мне пришли, на огонек завернули?

Он увидел на столе драп, и глаза его налились кровью, сжались кулаки.

— А-а! — протянул он.— Нашли преступника!

— Успокойтесь, Самыкин,— сказал я.— Садитесь.

— Уж я постою,— он криво усмехнулся,— посадить вы меня успеете.

— Коля, Коленька,— зачастила Анна Ивановна,— ты успокойся, успокойся.

Он даже не взглянул на нее.

— Поймали вора! — он кинулся к столу и сбросил отрез на пол.

— Не устраивайте истерики, Самыкин! — повысил я голос.

Он бросил на меня ненавидящий взгляд и с силой ударил кулаком по столу.

— Берите! Сажайте! — выкрикивал он.

Потом вдруг как-то сразу обмяк и сел.

— Откуда у вас драп? — спросил я.

— А откуда у вас пальто?

— Отвечайте на вопросы.

— Купил, купил в магазине.

— Когда?

— Во вторник, одиннадцатого числа.

— Но ведь в тот день вас здесь не было. Вы ездили за товаром.

— Там и купил. А в субботу я как раз деньги получил. Вот и решил сделать жене подарок.

Он уже почти успокоился и подробно отвечал на вопросы. Все, что он говорил, казалось логичным, хотя и нуждалось в проверке.

— Вам не стоит волноваться,— сказал я,— если вы говорите правду, вам ничто не угрожает.

В ответ он только махнул рукой.

Я послал запрос в магазин, где Самыкин, по его словам, купил отрез, и приложил его фотокарточку. Когда был получен ответ, то оказалось, что в магазине, действительно, в тот день продавался такой драп. Было продано около двухсот метров, и, конечно, продавцы не запомнили всех покупателей. Выходило, что Самыкин мог купить отрез в магазине.

Райком партии поручил мне прочитать в железнодорожном клубе лекцию «Об охране социалистической собственности».

Народу в клубе собралось много. Преобладала молодежь. Я не тешил себя мыслью, что они пришли сюда слушать лекцию. На афише, висевшей у входа, я прочел: «После лекции — танцы».

Но я оказался неправ. Меня слушали очень внимательно. Начал я с примеров, причем подобрал наиболее интересные. Это и захватило аудиторию. Потом рассказывал, как удалось раскрыть то или иное преступление. Я говорил о делах, расследованных в нашем городе, о людях и местах, известных присутствующим. И когда я вспомнил об одном воре, которому на время удалось сбить нас со следа, и назвал улицу и номер дома, где он скрылся, то мальчишка, сидевший во втором ряду и смотревший на меня жадными глазами, не выдержал и закричал:

— Я в том доме живу! С нашего чердака можно вовсе на другую крышу перебраться!

В зале раздался смех.

— Эх, жаль меня там не было,— продолжал мальчишка,— мы бы его мигом нашли.

Его реплика послужила хорошим переходом к рассказу о роли общественности в деле раскрытия преступлений, о народных дружинах.

— Да, товарищи,— говорил я, заканчивая выступление,— у нас в стране, и в частности в нашем городе, число преступлений неуклонно падает. Все меньше и меньше остается у нас людей, живущих за счет других. Но еще есть, к сожалению, любители легкой наживы — воры и аферисты, с которыми сейчас борются не только органы суда и следствия, но и все честные люди...

Из задних рядов чей-то молодой голос спросил:

— Скажите, а много осталось нераскрытых преступлений?

— Все преступления, совершенные в этом году, раскрыты,— ответил я.— И во многом нам помогла общественность...— я на минуту задумался.— Впрочем, товарищи, есть одно нераскрытое дело. Правда, мы уверены, что найдем преступника, но пока похвастаться нечем.

— Расскажите!.. Расскажите! — слышалось в зале.

И я рассказал слушателям историю о пропавшем рулоне драпа.

Потом заведующий клубом от имени присутствующих поблагодарил меня за лекцию и пожелал успехов в работе. Когда я одевался, ко мне подошел парень лет двадцати.

— Мне кажется, я могу вам кое-чем помочь.

Я не сразу понял его.

— О чем вы говорите?

— О пропавшем драпе. Я видел человека, который украл рулон, и почти так же близко, как вижу вас.

— Как так?..

— Я учусь в железнодорожном техникуме. Сейчас у нас практика. Я с Соней Белошапко из нашей группы был как раз во вторник на разъезде, о котором вы рассказывали. Под вечер туда подъехала машина, а потом мы видели мужчину, который нес на спине какой-то тюк. Мужчина, заметив нас, круто повернул в сторону лесополосы. Мы тогда, конечно, не придали этому никакого значения. Но теперь мне кажется, что это и был вор.

— Вы запомнили его лицо?

— Да, мы были довольно близко от него, а он как раз прошел под фонарем.

— Вы могли бы прийти завтра утром в прокуратуру?

— Могу.

— Вот и договорились. И пригласите с собой Соню.

— К сожалению, ее сейчас нет в городе. Она приедет через два-три дня.

— Ну, приходите сами,— я протянул ему руку.— Да, кстати, мы не познакомились.

— Щетинин — моя фамилия, а зовут Олегом.

— Спасибо, Олег. Жду вас.

Домой я шел пешком. Мыслей было много: дело пришло к другой оборот.

Итак, если Олег видел машину, значит, Кривель и Самыкин заезжали на разъезд. Самыкин дал правильные показания, а Кривель и Зоя скрыли от меня истину. Почему? Не являются ли они соучастниками преступления? Но очень уж не похожи они на преступников. Тогда зачем же им потребовалось скрывать от меня приезд Кривеля? Это надо проверить. А преступника, видимо, придется искать по словесному портрету.

В девять я был уже в своем кабинете, а четверть десятого пришел Олег.

— Посмотрим,— сказал я,— как вы его запомнили. Знаете, что такое словесный портрет?

— Нет, но думаю, что это описание внешности человека.

— Правильно. Я вам сейчас дам анкету, а вы ее заполните.

Олег прочитал вопросы анкеты, взял ручку и стал быстро писать. Закончив, он протянул мне исписанный лист.

«Волосы прямые, невьющиеся, темные...»— читал я вслух.

— Я не могу точно назвать цвет волос и глаз,— сказал Олег,— дело все-таки было вечером.

«Нос большой, с горбинкой,— продолжал я.— Про такие носы принято говорить: орлиный... Рот небольшой, с тонкими губами...» Так-так... А какого он был роста?

— Трудно сказать. Он нес тюк нагнувшись.

— Ну, ладно. Еще раз спасибо.

Как только Олег ушел, я дал задание сотрудникам милиции искать преступника по словесному портрету. Но если сказать откровенно, я мало верил в успех этого мероприятия. Надо, конечно, использовать и все другие пути для розыска вора.

В тот же день у меня был еще один посетитель, вернее, посетительница. В кабинет робко вошла женщина в брезентовом плаще с капюшоном.

— Здравствуйте, Зоя Семеновна. С чем пожаловали?.. Садитесь.

— Спасибо.

Она молчит и внимательно смотрит мне в лицо, как бы ожидая вопроса. Но я тоже молчу.

— Мне нужно кое-что сказать вам...— произносит она, наконец.

— Слушаю.

— Я обманула вас,— продолжает она.— Борис, то есть Кривель, приезжал ко мне во вторник, одиннадцатого числа. Вам может показаться странным, что мы скрыли это от вас, но всему есть причины. Я надеюсь, что вы поймете меня... Я познакомилась с Борисом семь лет назад. Он дружил с моим братом, но вскоре брата перевели на работу в Куйбышев, и я перестала видеть Бориса. Мне казалось, что я пра-

вилась ему. Но я в то время встречалась с одним парнем, и Борис не стал приходить к нам. Года через полтора я узнала, что он женился. После этого я не видела его больше года. Встретились совсем случайно здесь, в городе. Я приехала что-то покупать и столкнулась с ним на улице. Он был пьян. Я очень удивилась, потому что раньше он не пил. «Борис, что с тобой?» — спросила я. И он заплакал. Мне стало жаль его. Никаких других чувств у меня тогда к нему не было. Я привезла его к себе домой. Он целовал мне руки и только шептал: «Зоя, Зоенька, конченный я человек...» Как я ни пыталась узнать, что с ним произошло, мне это не удалось. Лишь позднее его друзья сказали мне, что он неудачно женился. Жена его не любит, у них постоянные ссоры, скандалы... Возможно, нехорошо, что я вам это рассказываю, но вы должны знать все, чтобы понять, почему мы скрыли от вас приезд Бориса... Он очень хороший человек, честный, с большой душой, но слабохарактерный. После нашей встречи он попросил у меня разрешения изредка приезжать. Я разрешила. Мне хотелось как-то помочь ему. Он стал приезжать все чаще и чаще. И я привязалась к нему... Поверьте, мне нелегко. Но я многого добилась: Борис бросил пить, стал добросовестно относиться к работе. Я знаю, что Борис любит меня и что для меня он может многое сделать, но никогда, никогда я не говорила ему, чтобы он бросил жену, чтобы мы начали жить вместе. Я видела, что наши тайные встречи его тоже не устраивают. Но он никак не мог решиться окончательно поговорить с женой. И все-таки — это было совсем недавно — его жена обо всем узнала. Как-то поздно вечером она ворвалась ко мне в дом, видимо, надеясь застать у меня Бориса. Его не было. Но меня за всю жизнь так не оскорбляли... Тогда я твердо решила больше не встречаться с ним. Во всяком случае до тех пор, пока он не примет, наконец, какого-нибудь определенного решения...

Во вторник Борис приехал вопреки моему запрету. Он дал мне слово объясниться с женой. А когда его вызвали сюда, он растерялся и не сказал правды. Да и мне велел молчать о своем последнем приезде. Могло дойти до жены и начались бы новые скандалы. Но когда мы узнали, что вы подозреваете Самыкина и даже произвели у него обыск, мы поняли, что это из-за нас. И мы решили признаться... А сегодня утром Борис говорил с женой и сказал, что уходит от нее...

Очень возможно, что человек с тюком, которого видел Олег, и есть вор. Но пока что поиски его не дали никаких результатов. Я с нетерпением ждал приезда Сони Белошапко. Может быть, она как-то дополнит рассказ Олега.

И вот она входит ко мне в кабинет — худенькая девушка в пестренькой кофточке и темной юбке.

— Вы следователь? Да? А я — Соня Белошапко. Значит, так, я говорила с Олегом и все знаю. Я тоже видела человека с тюком и могу... — она говорила так быстро, что мне пришлось прервать ее.

— Пожалуйста, говорите чуть-чуть помедленнее.

— Ладно. Я могу и помедленнее. Так, значит, я — Соня Белошапко...

— Это я уже понял. Вам Олег рассказывал о словесном портрете?.. Так вот, заполните такую же анкету. Может быть, ваши показания дополнят показания Олега. Вы хорошо разглядели человека с тюком?

— Хорошо.

— Вот вам анкета, вот ручка. Садитесь за мой стол и действуйте.

Я вышел из кабинета и вернулся к себе только через полчаса. Соня встала навстречу мне из-за стола и протянула бланк анкеты. Я взял его и в первое мгновение даже растерялся.

— Что это? Неужели вы не поняли, что надо было сделать?

На бланке чернилами было нарисовано чье-то лицо.

— Вы решили посмеяться надо мной? — продолжал я.

Соня стояла с обиженным видом, и казалось, что она вот-вот расплачется.

— Вы же сказали: портрет... Я думала, что так лучше... Я ведь рисую. Уже пять лет занимаюсь в художественном кружке, и наш преподаватель говорит, что у меня большие способности. Я хорошо запомнила лицо этого человека и нарисовала его. А вы ругаетесь...

Я пристально рассматривал портрет. Что ж, это интересная идея... С портрета на меня смотрел как бы искоса человек с орлиным носом и тонкими губами.

— Соня, — сказал я, — а могли бы вы еще раз нарисовать его? Но уже карандашом и более детально?.. Только не смотрите на ваш первый вариант.

— Хорошо.

Я дал ей лист плотной бумаги, карандаш и резинку. У Сони были тонкие, нежные пальцы, но они держали карандаш твердо и уверенно. От усердия Соня высунула кончик языка.

Через сорок минут портрет был готов.

— Вот,— с гордостью сказала Соня.

Я положил два портрета рядом. В том, что на обоих был нарисован один и тот же человек, сомнений не было.

— Отлично! Здорово это у вас получилось.

...На следующий день были изготовлены фоторепродукции портрета.

Ко мне явился оперуполномоченный Калошин, которому я передал несколько экземпляров портрета предполагаемого вора.

— Товарищ следователь,— обратился он ко мне,— у меня есть предложение. А что, если эти фотографии раздать не только нашим работникам, но и дружинникам? Как вы к этому относитесь?

— Правильная мысль! Если за дело возьмутся дружинники, то мы скорее найдем преступника.

Дружинники города с энтузиазмом встретили наше предложение. Им было роздано несколько десятков фотографий.

* *
*

Однажды утром, едва я успел войти в кабинет, раздался телефонный звонок. Я снял трубку и услышал знакомый, немного гортанный голос подполковника Топуридзе, начальника отдела уголовного розыска областного управления внутренних дел.

— Да, это я. Здравствуйте, товарищ подполковник.

— Приветствую и поздравляю. По вашему портрету дружинник Григорьев задержал вора, которого вы разыскиваете. Приезжайте завтра в управление. Лучше с утра. Явится прямо ко мне.

...И вот Топуридзе рассказывает мне, как был задержан человек, портрет которого по памяти нарисовала Соня Белошапка.

Григорьев жил и работал в нашем городе. Он был одним из дружинников, которым вручили фоторепродукции портрета. Через два дня Григорьев с женой приехал в областной

центр навестить родителей жены. Вечером он пригласил тещу и тестя в ресторан.

За соседним столом Григорьев заметил мужчину, лицо которого показалось ему знакомым. «Где я его видел? — размышлял он. — Определенно знакомое лицо... Горбатый нос, тонкие губы... Кто же это?»

Тем временем мужчина за соседним столиком подозвал официанта и стал расплачиваться. И вдруг Григорьев вспомнил. Он быстро достал бумажник и вынул фотографию: «Он! Конечно он!»

Мужчина уже направился к выходу. Григорьев, сказав родным: «Я сейчас...», вышел из-за стола и поспешил за ним. Он слышал, как жена громко спросила: «Ты куда?» — и тут же чей-то веселый голос бросил вдогонку:

— Держи его! Кавалер сбежал!

Горбоносый вздрогнул и обернулся. Он встретился взглядом с преследователем и ускорил шаги.

Выйдя из ресторана, Григорьев увидел, как он повернул налево, в узкий переулок. Григорьев побежал. У него не было определенного плана, как задержать этого человека. Но он знал одно: его надо догнать, нельзя дать ему уйти.

Григорьев свернул в переулок. Горбоносый посмотрел назад, увидел подбегающего дружинника. Он остановился, спокойно достал папиросу и закурил. В переулке, кроме них, никого не было.

— Гражданин, пройдемте со мной,— Григорьев взял его за рукав пальто.

— В чем дело? Кто вы такой?

— Я дружинник. Прошу вас пройти со мной.

— Сейчас.

В следующую секунду от сильного удара в подбородок Григорьев упал, но в последнее мгновение успел подставить горбоносому ногу. Тот свалился рядом с Григорьевым.

Горбоносый оказался сильнее дружинника. Он подмял его под себя и стал бить по лицу. Из носа у дружинника шла кровь, губы были разбиты, но он цепко держал своего противника, не давая ему встать на ноги. Тот дышал ему в лицо водочным перегаром и хрипел:

— Убью, гад... Пусти лучше!

«Хватит ли у меня сил,— думал Григорьев,— держать его, пока кто-нибудь поможет?»

И у дружинника сил хватило. Их отвели в отделение милиции, где Григорьев рассказал о пропаже драпа и предъявил фотокарточку с портретом вора.

* *
*

Задержанный был доставлен в нашу прокуратуру. Мы сидим друг против друга. Я смотрю на него и думаю: «Ну и молодец же Соня: только мельком видела этого человека, а как запомнила его лицо...»

— Что вы на меня смотрите? — грубо спрашивает он. — Вам это так не пройдет! Хватаете ни в чем не повинного человека... Знаете, за самоуправство вас по головке не погладят!

Я молча слушаю его и вижу, что он начинает нервничать.

— Если бы у меня документы были не в порядке, я тогда бы вас понял. Но ведь это же издевательство над честным советским человеком! Кто вам дал право меня задерживать? Я буду жаловаться!

Рассматриваю его документы. Они, действительно, в порядке. Вот справка об удостоверении личности, командировочное удостоверение. Петр Христофорович Жук работает в колхозе «Большевик» счетоводом. В город приехал по делам колхоза.

— Скажите, Петр Христофорович, где вы были одиннадцатого октября?

— На областном совещании охотников, — не задумываясь, отвечает он.

Я молчу и рассматриваю найденный в бумажнике Жука вызов на это совещание.

— Скажите, наконец, вы долго будете меня здесь держать? — спрашивает он. — Меня дела ждут! Если вы что-то подозреваете, то позвоните в колхоз и вам там скажут, кто такой Жук.

— Почему вы оказали сопротивление дружиннику? Избили его...

— Да он сам, как ошалелый, набросился на меня. А то, что он дружинник, на лбу у него не написано. Ну, я и решил, что это грабитель какой-нибудь. А меня бог силой не обидел. Думаю, покажу ему, где раки зимуют, а потом в милицию сволоку... Одним словом, я требую, чтобы вы меня

немедленно освободили. Я сейчас в командировке и времени у меня в обрез.

— Хорошо, я позволю в колхоз.

— Пожалуйста. Только, если можно, поскорее,— говорит он спокойно.

Видимо, Жук вполне уверен, что телефонный звонок в колхоз должен рассеять все мои подозрения. «Неужели мы ошиблись? — думаю я.— А что, если этот Жук действительно честный человек?»

Я связался по телефону с колхозом «Большевик».

— Говорит следователь. Позовите, пожалуйста, председателя колхоза.

Минуты через две я услышал:

— Товарищ следователь?.. С вами говорит председатель Огурцов. Что вас интересует?

— Здравствуйте. Скажите, как фамилия вашего колхозного счетовода?

— Жук. Петр Христофорович Жук.

— Товарищ Огурцов, а где сейчас находится Жук? — спросил я.

— В командировке, в областном центре. А в чем дело? Что-нибудь случилось с ним?

— Нет, нет, ничего особенного. Спасибо... Да! Я вас еще вот о чем попрошу: пришлите мне подробную характеристику на вашего счетовода... Договорились? Всего доброго.

Я повесил трубку.

— Ну, что?..— спросил с ехидной улыбкой Жук. И продолжал: — Теперь вы знаете, где я живу, и в случае необходимости всегда сможете найти меня. Кроме того, я могу доказать, что одиннадцатого и двенадцатого октября я был на областном совещании охотников.

— Каким образом?

— Во-первых, опять-таки вызов, а во-вторых, можете позвонить в общество охотников и спросить у них. Меня там хорошо знают.

Я размыкал в справочнике телефон общества и снял трубку. Долго слушал длинные гудки.

— Никто не отвечает,— сказала равнодушным голосом телефонистка.

— Может быть, испорчен аппарат? — спросил я.

— Нет, товарищ,— ответила она.— Сейчас, после совещания охотников, вы вряд ли кого-нибудь застанете в обществе.

Я повернулся к Жуку.

— Там никого нет, и вы, наверно, прекрасно знали об этом.

— Ничего я не знал...

«Если он честный человек,— думал я,— то его задержание, конечно, не пройдет мне безнаказанно...» Но я твердо решил не освобождать Жука, пока совершенно точно не установлю его личность.

Я попросил секретаря вызвать в прокуратуру Кривель, Самыкина, Щетинина и Белошапко, чтобы произвести опознание Жука.

* *

*

Первым пришел Кривель.

— Здравствуйте, Борис Васильевич. Как ваши дела?

— Все в порядке... Сказать откровенно, я был удивлен, когда получил вызов к вам. Мне казалось, что я вам больше не потребуюсь.

— Однако потребовались.

— А Самыкин по сей день со мной не разговаривает. Мы ходили к нему с Зоей, просили прощения, но он просто выставил нас.

— В какой-то мере он прав. Ваша слабохарактерность навлекла на него подозрение, да и на вас тоже, и тем самым усложнила дело...

В числе трех мужчин Кривелю был предъявлен Жук.

— Нет, никого из них не встречал,— сказал Кривель, несколько смущенный процедурой опознания.

То же самое я услышал и от Самыкина. Но главное впереди. Вся ставка была на Щетинина и Белошапко. Но Олег болел и не смог явиться в прокуратуру, и теперь многое зависело от того, что скажет Соня.

Вот, наконец, она явилась и, как всегда, быстро затараторила:

— Товарищ следователь, нашли преступника? А где? И зачем вы меня вызвали? Мой портрет помог вам?..

— Вы задали столько вопросов, Соня, что мне требуется по крайней мере полчаса, чтобы ответить на них, а времени у нас мало. Так что приступим к делу.

Когда я и Соня вошли в комнату, где находились Жук и еще двое мужчин, Соня сразу сказала, показывая на Жука:

— Конечно, вот он. Я его сразу узнала, как только увидела...

— А вы не могли ошибиться? — спросил я.

— Нет, нет, что вы!

— Тогда, Соня, расскажите, пожалуйста, еще раз, где, когда и при каких обстоятельствах вы видели этого человека. А вы, Жук, послушайте. Может быть, и вспомните этот эпизод из вашей жизни.

Когда Соня кончила свой рассказ, Жук возмущенно крикнул:

— Чуть! Ерунда! Девчонке, наверно, все это приснилось!

— И она, — сказал я, — увидев во сне ваше лицо, запомнила его и нарисовала?

* *
*

Передо мной лежит характеристика Жука, подписанная председателем и секретарем парторганизации колхоза «Большевик». В ней говорится, что Жук работает в колхозе уже два года, что он прекрасный счетовод, отзывчивый товарищ, хороший общественник, что он искренне болеет душой за дела артели.

Я тут же пошел к прокурору района и, подробно рассказав ему историю с задержанием Жука, попросил посоветовать, что мне делать дальше.

— Вот что, — сказал прокурор, — поезжайте-ка, и сегодня же, в этот колхоз. Я думаю, что на месте вам легче будет разобраться во всем. Поговорите с людьми, которые хорошо знают Жука.

До колхоза «Большевик» сто двадцать километров по проселочной дороге. Наш газик тяжело пыхтел, ныряя из одной рывины в другую. Хорошо еще, что в последние дни не было дождей, а то бы мы наверняка завязли где-нибудь.

Правление колхоза помещалось в одноэтажном каменном доме, видимо, только что оштукатуренном. В коридоре толпился народ. Люди шумно обсуждали свои колхозные дела. На меня никто не обратил внимания.

— Вы не знаете, где сейчас председатель колхоза? — спросил я молодого паренька.

— Сегодня вы его не увидите, — ответил он. — Огурцов уехал в город заключать договор со строительной организацией. Клуб мы собираемся строить.

- Вы не могли бы уделить мне несколько минут?
- Пожалуйста. А в чем дело?
- Вы хорошо знаете вашего колхозного счетовода?
- Жука? Хорошо знаю.
- Что вы можете сказать о нем?
- А вы кто такой? — недоверчиво спросил паренек.

И показал ему удостоверение.

Парень рассказал о Жуке в основном то же, что было в характеристике. В наш разговор вмешалось еще несколько человек, и никто из них не сказал о нем ни одного плохого слова. Но потом меня отозвал в сторону пожилой небритый человек в грязных сапогах и засаленной телогрейке.

— Вы следователь?

— Да.

— Пойдемте, — сказал он. — Нам надо поговорить.

Он завел меня в пустую комнату, усадил на скамью.

— Значит, Жуком интересуетесь?

— Да, интересуюсь.

— Вы этих молокососов не слушайте. Что они понимают в жизни! Разве они могут разобраться в человеке? Я слышал, как они говорили, что, мол, Жук человек честный, отзывчивый... Не верьте им. Я вам вот что скажу: склочник он, придира...

— А вы сами кто такой?

— Простите, забыл представиться. Мишкин — моя фамилия. Кладовщик здешний. Пять лет работал — и ни взысканий у меня не было, ни порицаний. А как пришел к нам Жук — житья мне не стало: и то ему не так, и это неправильно... А у меня против него фактики имеются. Вот вчера, например, выписал он мне квитанцию...

— Как вчера!? — не выдержал я.

— Да очень просто: пришел я, значит, к нему вчера с просьбой...

— А где он сейчас?

— Да вон стоит, — кладовщик показал в окно. — Вон тот, в синей шляпе и сером плаще. Это и есть Жук...

Я встал.

— Простите, но я должен сейчас же с ним поговорить.

— Вы его арестуете? — спросил кладовщик.

— Нет.

На лице Мишкина отразилось явное неудовольствие.

Жук оказался приятным, веселым человеком. Когда я подходил к нему, он громко и заразительно смеялся, слушая

двух стоявших около него женщин, которые наперебой что-то рассказывали ему. Узнав, что я следователь, он спросил:

— Вы, наверно, нашли мои документы? Видите ли, я только вчера приехал из города: был в командировке, и там в трамвае у меня украли бумажник.

— А что было в бумажнике?

— Справка, командировочное удостоверение, вызов на совещание охотников, немного денег. Но самое главное — в бумажнике было письмо от одной девушки... — он смутился и, видимо, подумал, стоит ли об этом рассказывать, но решил продолжать: — Понимаете, на этом письме был адрес, а больше он у меня нигде не записан...

Пришлось огорчить его и сказать, что письмо не нашлось.

— Вы могли бы поехать со мной? — спросил я. — У вас нет неотложных дел?

— Поехать-то я могу, только надо предупредить товарищей.

Через полчаса мы с ним уже сидели в газике, и он сокрушался по поводу пропажи письма.

— Видите ли, — говорил он, — отдыхал я в августе в Крыму и познакомился там с одной девушкой. Она в Москве учится, в Тимирязевской академии. В этом году кончает ее, будет агрономом. А нашему колхозу как раз нужен агроном. Вот я и уговаривал ее целый месяц приехать к нам на работу...

Я улыбнулся.

— Наверно, не только в работе дело?.. Не огорчайтесь. Во-первых, письмо может пайтись, а во-вторых, она вам еще напишет.

— Нет, — грустно сказал он, — она человек самолюбивый. Пока моего письма не получит, не напишет.

* *
*

Войдя в кабинет, он спросил:

— Я надеюсь меня вызвали, чтобы отпустить?

— Вы не угадали.

Он заметил Жука и от неожиданности втянул голову в плечи.

— Познакомьтесь, — сказал я ему. — Позвольте вам представить Петра Христофоровича Жука. А ваша, простите, как фамилия?

Он молчал.

— Мы немного знакомы,— сказал простодушно Жук,— как раз этот гражданин все время и крутился около меня в трамвае. Он, наверно, и вытащил мой бумажник.

— Ничего и ни у кого я не вытаскивал. Вы сами бумажник выронили. Я еще кричал вам вдогонку, а вы так и не обернулись.

Жук улыбнулся.

— Но я прекрасно помню, что вы вышли раньше, чем я.

— Что вы на это скажете? — спросил я задержанного.

— Он говорит неправду,— упрямо сказал тот.

— Послушайте,— обратился я к нему,— вот уже несколько дней, как вы водите меня за нос, выдавая себя за Жука. Какие же у меня основания верить вам? В вашем положении лучше всего честно и сразу во всем сознаться.

— Что ж,— задумчиво произнес он,— я вам расскажу всю правду. Моя настоящая фамилия Чурсин, а зовут Владимиром Харитоновичем. Живу я в Красноярске. Попал сюда случайно: места у вас, говорят, охотничьи... И надо же случиться такому несчастью: потерял я свой паспорт и другие документы. Когда этот гражданин,— он кивнул на Жука,— уронил свой бумажник, я решил воспользоваться его документами. Ведь иначе мне нельзя было прописаться в гостинице. Я думал, что когда вернусь домой, то обязательно пришлю товарищу Жуку его документы и заодно попрошу прощения, что воспользовался ими...

— А письмо у вас? — перебил его Жук.

— Да,— ответил он,— пожалуйста,— и протянул ему конверт.

— Благодарю вас,— обрадовался Жук.— А то, что вы воспользовались моими документами и деньгами, то это ничего...

Я не выдержал и расхохотался. Чурсин устало улыбнулся и сказал:

— А вот гражданин начальник, наверно, другого мнения...

— Вы правы,— ответил я.— Значит, вы Чурсин Владимир Харитонович, живете в Красноярске?

— Совершенно верно.

— Вы же понимаете, что мы это проверим. Так что, может быть, лучше сразу сказать правду?

— Я вам сказал правду.

* * *

*

На столе у меня лежит ответ из Красноярска: «Чурсин Владимир Харитонович не проживает и никогда не жил в Красноярском крае...» Показываю его Чурсину. Он недоуменно пожимает плечами.

— Признаваться не будете?

— Я не крал вашего драпа.

— Но кто вы такой?

— Чурсин, Владимир Харитонович.

...Я решил испробовать еще одно средство установления личности задержанного — дактилоскопию. Взял у Чурсина отпечатки пальцев и послал на исследование в криминалистическую лабораторию.

Вскоре пришел ошеломляющий ответ: «Отпечатки пальцев принадлежат Коробову Ивану Леонтьевичу, скрывавшемуся под фамилиями: Леонтьев Игорь Вениаминович, Григорьев Сергей Сергеевич...» Далее следовало еще пять фамилий.

Итак, оказалось, что Коробов Иван Леонтьевич был судим в 1933 году за ограбление и приговорен к семи годам лишения свободы. В 1935 году он совершил побег, но через два месяца был задержан работниками милиции. В 1946 году его привлекают к суду за мошенничество и приговаривают к двум годам лишения свободы. В декабре 1948 года он совершает хищение государственного имущества. Рецидивиста приговаривают к десяти годам лишения свободы. В 1953 году он был освобожден по амнистии, но уже в следующем году вновь осужден за кражу. Полгода назад Коробов отбыл наказание.

...— Чем занимались все это время? — спрашиваю я у него.

— Что я делал?.. Ездил по стране, жил мелкими заработками, — при слове «мелкими» он усмехается.

— Такими, например, как кража драпа?

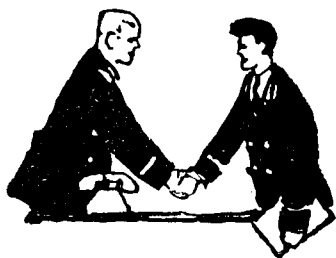
— И такими тоже.

* * *

*

— Все в порядке, — сказал прокурор, выслушав мой доклад. — К Новому году у нас не будет «висеть» ни одного дела.

Я вернулся к себе в кабинет, сел за стол, задумался. Нужно срочно заканчивать дело, писать обвинительное заключение. Но в нем не отразишь все те сомнения, все мысли, которыми я жил, пока велось следствие, не напишешь о недоверии к Самыкину, о взаимоотношениях Кривеля и Зои, которые чуть не сбили меня с правильного пути. Я вспомнил об Олеге Щетинине, моем добровольном помощнике, о Соне Белошапко, которой руководило искреннее желание помочь нам найти преступника. А дружишка Григорьев? Ведь он совершил настоящий героический поступок, когда задерживал вора... А коробовых становится все меньше и меньше, и не только благодаря бдительности следственных органов, но и благодаря активной помощи им со стороны общественности, простых советских людей. Я думал о том времени, когда людям моей профессии будет нечего делать; навсегда закроются двери судов, а на месте бывших тюрем построят новые, светлые здания, где будут жить, учиться и работать советские люди.

ПРИЗНАНИЕ

Яркий луч карманного фонарика уперся в дымоход и опустился вниз.

— Исследуйте, уважаемый товарищ управдом, — торжественно произнес Спиридон Никитич Дятлов, юркий художавый старичок. — Вот здесь ковырните, и ваша рука очутится в нашей комнате.

Управдом Трищенко, взяв из рук Дятлова фонарик, направил его зачем-то в сторону. Вдруг фонарик в руке управдома задержался и шлепнулся в пыль.

— Ну чего ты? — раздраженно сказал напористый жилец, поднимая с полу фонарик и направляя его луч в лицо представителя домового власти. — Я, брат... — Но тут он осекся на полуслове и испуганно спросил: — Да что с тобой, Иваныч? Ты часом не заболел?

Глаза управдома выражали ужас. Показывая куда-то дрожащей рукой, он сдавленно хрипел:

— Там... там... посмотри...

Светлый круг побежал вперед, несколько раз скользнул по сторонам и остановился. Между балками лежал человеческий скелет.

Молодой следователь прокуратуры крупного портового города Кирилл Каронин сидел в своем кабинете и, запустив пальцы обеих рук в черные, как смоль, волосы, читал акт судебно-медицинской экспертизы.

«Шесть лет! — думал он, тяжело вздыхая. — Очевидно, этот управдом никогда не осматривал чердаков».

Каронин встал и прошелся по кабинету. Потом снова сел за стол и опять начал читать акт: «...Все кости черепа имеют коричневый оттенок, а в некоторых местах источены грызунами. Пучок светло-русых волос, найденный возле черепа, принадлежит женщине. Представленные на исследование кости являются частями скелета женщины в возрасте двадцати двух — двадцати шести лет, со времени смерти которой прошло пять-шесть лет».

Шесть лет! Много воды утекло с тех пор! Каронин не сомневался: здесь произошло убийство. Но никаких следов преступления, кроме самой жертвы, не обнаружено. В доме, где были найдены ее останки, никогда никто не исчезал. Оставалось предположить, что убитая случайно попала на чердак чужого дома. Значит, и преступника нужно искать в другом месте.

При расследовании дел об убийстве иногда самое главное — время. Три-четыре дня упущены — и следы, которые могли бы привести к разгадке тайны, исчезнут навсегда. А тут шесть лет!

В распоряжении Каронина были только немые свидетели: скелет, несколько истлевших тряпок и куски рогожи, которой, по-видимому, был прикрыт труп. Что могут сказать они? Почти ничего.

«И все-таки будем искать, — думал Каронин, — будем искать!»

Восемь часов вечера. Опустела прокуратура. Только Каронина не тянуло домой. Все его мысли были поглощены делом об убийстве неизвестной. Каронин не знал, кто она и откуда, кем и за что убита. Ничего не знал и все-таки думал только о ней. У нее, разумеется, есть близкие, родные... А преступник, совершив свое страшное дело, остался безнаказанным! И, может быть, сейчас он спокойно проходит мимо по тротуару или усаживается за столик в кафе напро-

тив. А может, за шесть лет он уже успел десять раз переменить место жительства!..

В кабинет постучали. Каронин вздрогнул от неожиданности. Вошел курьер из управления милиции и положил на стол солидную кипу бумаг. Это были заявления, поданные в разное время гражданами города. В них сообщалось об исчезновении родственников или знакомых. Эти материалы были затребованы Карониным. Он принялся внимательно изучать их.

Еще в самом начале Каронин отложил в сторону заявление, написанное неразборчивым почерком. И когда просмотрел все бумаги, взялся за эту. «Неужели и здесь ничего?» — мелькнула тревожная мысль. Вооружившись лупой, Каронин стал разбирать текст заявления. Датировано оно было 1946 годом. «Шесть лет», — взволнованно отметил про себя Каронин.

«...Ушла от меня дочь, Иванова Маргарита Матвеевна. Прошу сообщить мне, где она прописалась». Дальше следовали адрес и фамилия заявителя. Никаких примет в заявлении не указывалось.

* *
*

Механик мельпичного комбината Матвей Михайлович Иванов сидел перед следователем и взволнованно рассказывал ему горестную историю своей дочери.

— Как-то раз приходит соседка и говорит: «Риту в милицию забрали». Я уж и не помню, как до отделения добрался. И вот в кабинете у пачальника я, солдат трех войн, сижу и, как малый ребенок, плачу. А ей хоть бы что. «Никакого Жоры Гангстера, — говорит, — в американской курточке я не знаю и с Галей Бакуновой не водилась». Ну, отпустили ее. Пришли мы домой. Я, конечно, стал ей выговаривать. А она в ответ: «Не ваше дело!» — Матвей Михайлович перевел дух, вытащил из кармана большой клетчатый платок и, вытерев мокрый лоб, продолжал: — Ну, признаться, не вытерпел я тут и крикнул по старинке: чей хлеб ешь! А она только хихикнула. «С такими, — говорит, — глазами, как у меня, милый папочка, я и без вашего хлеба проживу, пирожные кушать буду». И, стыдно сказать, я ее — за косу. Но только замахнулся. Ударить совести не хватило. Вырвалась она и уже с порога крикнула: «Счастье ваше, что вы

меня на свет породили! А то бы завтра по вас панихиду пели!»

Иванов замолчал и полез в кيسет, который он уже давно вертел в руках, но закурить не решался. Каронин закурил сам, и это, вероятно, подбодрило его собеседника.

— И больше вы от нее не имели никаких известий? — спросил Каронин.

— Никаких.

Каронин вынул из ящика три одинаковые занумерованные коробки, положил их на стол и позвал понятых. В их присутствии он открыл коробки. В двух из них были волосы живых женщин, а в третьей — волосы, найденные на чердаке.

— Попробуйте, Матвей Михайлович, опознать волосы вашей дочери, — обратился Каронин к Иванову.

Старик поблел, заплакал и после некоторого молчания указал на третью коробку.

* * *

— Я ничего не помню, — испуганно говорила полная, модно одетая блондинка с фиолетовыми губами. — Это было шесть лет назад... Теперь я стала совсем другим человеком. У меня муж, дети...

— Все это так, гражданка Бакунова, однако мне думается, что у вас в памяти все-таки осталось кое-что из прошлого.

— Ровно ничего, — блондинка улыбнулась. — Представьте себе, как только я вышла замуж, я в тот же день поклялась себе обо всем забыть. И забыла.

— Да что там особенного и забывать-то. Ну, гуляли, романчики крутили. Никто вас за это упрекать не станет.

— Конечно, — охотно согласилась Бакунова, — даже мой муж никогда не расспрашивает меня о прошлом и не ревнует к нему.

— И к Жоре Гангстеру тоже?

Веки допрашиваемой неожиданно дрогнули, но ее замешательство длилось лишь одно мгновение.

— При чем же тут я? — искренне удивилась Бакунова. — Если хотите знать, за мной тогда ухаживал Пулгеров, начальник отдела кадров из типографии. А Жора погибал из-за Маргоши Ивановой.

— Ну вот видите, оказывается, начальника отдела кадров вы запомнили.

— Еще бы, если бы вам каждый день дарили такие букеты, как он мне, и вы бы, наверное, его запомнили. А Жора, хотя и вор был, тоже не оставлял Маргошу без внимания.

— Как вы узнали, что Жора был воров?

— Из газет, когда его осудили.

— А раньше вы знали об этом?

— Нет, но по тому, как он себя вел, я кое о чем догадывалась. Ревнивый он был до ужаса, каждый день угрожал ей финкой.

— Откуда вам известно, что он угрожал Ивановой финкой?

— Как откуда? Сама видела. Да и Марго каждый день рассказывала, что Жора грозит ее убить. Она считала, что у него сильный характер, и ей нравилось это.

— Может быть, он и в самом деле убил Маргариту? — как будто мимоходом спросил Каронин и пристально посмотрел на Бакунову.

— Этого я не знаю,— испуганно сказала она,— и я говорю вам только то, что мне известно. Что он нож ей показывал и угрожал — так это я сама видела и слышала. Да это могут и Пулгеров, и Тоня Архипова подтвердить. А однажды, когда Рита ко мне пришла, он стал в дверь ломиться, а потом ножом бить. До сих пор зарубки остались. Можете посмотреть. Но насчет убийства я ничего не знаю. Помню, Жора говорил, что она уехала.

— Куда уехала?

— Не знаю. Не сказал куда. Как-то неожиданно случилось это. Она даже не зашла ко мне попрощаться. Встретила я раз Жору, хотела расспросить подробнее, а он увидел меня и перебежал на другую сторону улицы. А через неделю его забрали. С тех пор я его так и не видела.

* *
*

— Хотите верьте, хотите нет,— зло сказал Георгий Ершов,— а не убивал я ее и все!

Каронин, не обращая внимания на горячность своего собеседника, спокойно продолжал:

— Свидетели Бакунова и Архипова показали, что вы неоднократно угрожали Ивановой расправой. Вскоре же после

ее исчезновения вы пьянствовали с Пулгеровым, и, когда он спросил, как поживает ваша возлюбленная, вы ответили: «Спроси у чертей на том свете».

— Так это ж я просто так сказал.

— Допустим, но при вашем аресте, спустя две недели после отъезда Ивановой, у вас был обнаружен френч со следами крови на правом рукаве. Не помните, как вы объяснили ее появление?

— А чего ж тут не помнить. Подумаешь, шесть лет прошло! Курицу резал, вот и кровь.

— Но вам ведь известно заключение экспертизы, что кровь человеческая, второй группы. Чья она?

— Моя! — выпалил вдруг Ершов.

— Но тогда вы иначе объяснили. Вот ваше старое дело. Я могу напомнить вам.

— Не трудитесь. Что было, то сплыло. Теперь я говорю правду: моя кровь на френче.

— Что ж это вы, зарезаться хотели?

— Не знаю, что я хотел. Только когда Марго шла к вокзалу, встретил я ее на углу Канатной и сказал: пойдешь за меня — нить брошу и со шпаной водиться не буду. Не пойдешь — на глазах у тебя зарежусь. Она засмеялась и говорит: «Попробуй!» Ну я и попробовал: полоснул себя ножом в грудь. Могу шрам показать.

— Не нужно. На нем не написано, когда и кто вас ранил.

— Ну и не верьте! Ничему не верьте!.. Амнистировали меня. Живу теперь честно, работаю. Придраться не к чему, так вы старое дело пришиваете?

— А куда же все-таки уехала Иванова? — спросил Каронин.

— Я же вам сто раз говорил: не знаю!

* * *

После допроса Ершова Каронин пришел к выводу, что это и есть тот человек, которого он так упорно искал. Собравные улики образовывали вокруг Ершова замкнутый круг. Оpozнание отцом Ивановой волос своей дочери, знакомство с ней Ершова и его постоянные угрозы убить ее, показания Бакуновой, Архиновой и Пулгерова, человеческая кровь на френче, отобранном у Ершова через две недели после ис-

чезновения Ивановой,—приводили к единственно возможному выводу: Маргариту убил Ершов.

Сразу же после обнаружения скелета Каронин послал череп на исследование московскому профессору Герасимову с просьбой восстановить черты лица убитой. Однако результатов эксперимента до сих пор не было, а срок расследования уже истекал. Надо было или просить вышестоящего прокурора о продлении этого срока, или составлять обвинительное заключение и направлять дело в суд. Каронин решил не затягивать дело и не ждать ответа из Москвы. Материала для обвинительного заключения, по его мнению, было вполне достаточно.

* *
*

Внимательно прочитав обвинительное заключение, прокурор района Степан Васильевич Хохлов стал перелистывать дело.

«Что это прокурор тянет?» — с досадой подумал Каронин. Он ожидал, что прокурор поздравит его с успешным окончанием такого необычного дела, а потом сразу утвердит заключение. Однако, глядя на Хохлова, Каронин с горечью убеждался, что тот и не собирается спешить с пожатием руки. Наоборот, по мере того, как он просматривал материалы расследования, лицо его мрачнело. Каронину было не по себе. Молчание становилось невыносимым.

— Ну, а теперь давайте поговорим,— сказал, наконец, Степан Васильевич, закуривая трубку.— Зачем понадобилось Ершову ехать вместе с Ивановой в отдаленный от их места жительства район, убивать ее в доме, где он никого не знал, и тащить труп на чердак? Разве для умышленного убийства нельзя было выбрать более безопасное и удобное для преступника место?

— Вы шутите, Степан Васильевич! — воскликнул Каронин.— Ершов — закоренелый преступник, и ему совершенно безразлично, где убить человека. А чердак он, может быть, знал и раньше.

— Может быть! А ведь каждая ваша мысль должна быть обоснована материалами дела. К тому же Иванова всегда держала себя очень независимо по отношению к Ершову, тогда как сам он был влюблен в нее.

— Степан Васильевич, но ведь Ершов дважды судился, и понятие о любви вряд ли ему доступно.

— Напрасно вы лишаете его возможности любить... Так. Все ясно,— помолчав, задумчиво проговорил Хохлов.— Ваши утверждения, Кирилл Сергеевич, сводятся к тому, что Ершов — преступник и ему ни в чем нельзя верить.

Прокурор поднялся из-за стола, подошел к Каронину и, положив ему руку на плечо, тихо спросил:

— Неужели, Кирилл Сергеевич, вы твердо убеждены, что это единственно возможное отношение к человеку, у которого есть судимость?

— Ершов — испорченный и, следовательно, социально опасный человек,— с раздражением произнес Каронин.

— Да откуда у вас, черт возьми, такие взгляды на человека? — в свою очередь вспыхнул Хохлов.— Во-первых, Ершов давно освобожден по амнистии, и вы не имеете права называть его преступником. Вы, вместо того чтобы критически оценить доказательства, идете по иному пути: пишете в обвинительном заключении о судимостях Ершова и тут же для пущей «объективности» указываете, что они сняты актом амнистии. Чувствуя слабость доказательств, вы делаете ставку на личность Ершова. И в этом ваша основная ошибка.

— Но ведь у меня же есть доказательства...— пытался возражать Каронин.

— Их недостаточно для предания Ершова суду,— перебил его прокурор.— По делу можно выдвинуть иную версию, чем та, которую выдвинули вы. Ну, хотя бы, что убитая вовсе не Маргарита Иванова. Ведь вы даже не дождались заключения Герасимова. Вы поспешили закончить дело в срок, чтобы не делать представления о продлении расследования. Ну что ж, само по себе такое желание — вещь хорошая. Но только до тех пор, пока это не наносит ущерба поискам истины. Тот же, кто за сроком перестает видеть судьбу человека, становится бездушным и вредным карьеристом.

— Извините меня, Степан Васильевич, но я не заслужил подобных упреков. Я внутренне убежден, что Ершов — преступник.

— Ваше внутреннее убеждение может быть обманчивым. Кроме него, нужны объективные доказательства...— Хохлов раскурил трубку, глубоко затянулся и, немного помолчав, продолжал: — Нет, Кирилл Сергеевич, мне кажется, что вы

слишком легко решили эту трудную задачу. Такое обвинительное заключение я утвердить не могу. Надо еще поработать. И поработать серьезно.

И Хохлов написал резолюцию: «Окончание расследования дела считаю преждевременным. Необходимо точно установить личность убитой».

Когда после разговора с прокурором Каронин вышел из его кабинета и проходил мимо экспедиции, он услышал голос секретаря:

— Кирилл Сергеевич! А я вас искала. Пришел пакет из Москвы.

И вот у него в руках большой пакет от профессора Герасимова. Там должны быть фотографии скульптурного изображения лица убитой, восстановленного по найденному на чердаке черепу. Не в силах побороть охватившее его волнение Каронин тут же разорвал пакет.

В деле было несколько прижизненных снимков Ивановой, и Каронин до мельчайших подробностей изучил ее лицо. Сейчас предстояло... Он выхватил из конверта одну из фотографий и, мельком взглянув на нее, закрыл глаза. Вместо худого продолговатого лица Маргариты Ивановой на него глянуло незнакомое лицо монгольского типа.

* * *

Каронин сидел у себя в кабинете и раскладывал присланные фотографии рядом со снимками Ивановой. Он подолгу всматривался в них, стараясь найти хоть что-нибудь общее. Но сходства не было, и ему порой казалось, что незнакомка смотрит на него с каким-то враждебным упреком.

Что он скажет теперь Хохлову? Может быть, все происшедшее не так уж страшно? Ведь это одно из его первых дел. А кто начинает свой путь без ошибок? Случайно сложились обстоятельства... А может быть, не случайно?

Каронин взглянул на часы: без пяти два. Ровно в два прокурор ждет его с докладом. «Что же я скажу? — подумал он. — Ясно! Скажу все, что есть, без попыток оправдаться». Он вдруг почувствовал облегчение.

Вопреки опасениям Каронина Хохлов отнесся к его ошибке спокойно. У Каронина даже создалось впечатление, что он давно все знал. Поняв это, Каронин все-таки продолжал говорить уже не столько для Хохлова, сколько для

очищения собственной совести. Чем беспощаднее он говорил о своем заблуждении, тем больше ему казалось, что от него отстает что-то липкое, тяжелое. И совершенно неожиданно для него прокурор сказал:

— Мне не за что вас бранить. У вас хватило мужества не только признать свою ошибку, но и правильно разобраться в ее причине. Это самое главное.

* *
*

— Сколько же можно ждать? Ведь второй час уже пошел,— с возмущением обратился Дятлов к проходившей по коридору девушке.

— А при чем тут я, если следователь сейчас занят и никого не принимает? — ответила секретарь, пожимая плечами.

— Как это не принимает? Не может он не принимать, если у меня наиважнейшее дело к нему,— горячился Спиридон Никитич.

Каронин вышел в коридор. Увидев его, Дятлов бросил вслед невозмутимо удалявшемуся секретарю еще несколько горячих слов, схватил следователя за руку и с упреком сказал:

— Что же это, Кирилл Сергеевич, получается? Я и скелет нашел, и понятым у вас был, а вы меня совсем забыли! Всего один раз допросили и больше не вызываете.

Каронин улыбнулся и пригласил Спиридона Никитича в кабинет. Он уже знал, что все жильцы дома номер двадцать один по Портовой улице называют Дятлова не иначе, как Шерлоком Холмсом за его пристрастие к расследованию замысловатых и запутанных домашних историй. Прозрище это закрепилось за ним после одного нашумевшего случая. Года три назад женщины третьей квартиры стали получать анонимные письма, порочившие их мужей. В квартире поднялся невероятный шум. Жена одного инженера начала ежедневно устраивать такие скандалы, что даже обитатели соседних домов плотно закрывали окна. Все женщины квартиры подозревали друг друга, и страсти разгорались с каждым днем. А так как ни милиция, ни прокуратура этим делом заниматься не стали, кто-то из мужей обратился за помощью к Спиридону Никитичу, и тот охотно принял на себя миссию Шерлока Холмса. Он прежде всего собрал все письма и

установил, что они написаны одним и тем же неустойчивым детским почерком. Появилось предположение, что кто-то из мамаш с целью конспирации пользуется услугами своего ребенка — школьника. А так как в квартире оказалось шестеро школьников, Дятлову пришлось с каждым из них завести дружбу. Никто не знал, какими таинственными путями шел Спиридон Никитич в поисках истины, но только через два месяца народный суд осудил виновницу междоусобной войны. Свидетелем обвинения против склочницы выступал ее собственный сын.

Можно легко себе представить, как взбудоражила Спиридона Никитича находка скелета на чердаке дома. Десятки раз поднимался он через узкий люк на чердак, стараясь представить себе, как преступник ташил через него свою жертву. Он разыскал всех управляющих домами, работавших на этой должности последние десять лет, подолгу беседовал с каждым, кто мог иметь хоть какое-нибудь отношение к чердаку. И вот теперь он пришел к следователю, чтобы поделиться с ним своими соображениями.

— Видите ли, какое дело получается, Кирилл Сергеевич,— заговорил Дятлов, плотно прикрывая за собой дверь.— По-новому кое-что нужно повернуть. Выходит, что мы с вами неправильно чердак рисовали, а значит, неправильно и думали.

— О чем вы тревожитесь, Спиридон Никитич? Мы с вами все правильно нарисовали.

— А вот и не все! Мы чердак-то новый нарисовали, а надо было изобразить его по-старому. Вы же сами сказали, что убийство произошло шесть лет назад!..— горячился Дятлов.

— Успокойтесь, Спиридон Никитич, и расскажите все по порядку,— насторожился Каровин.

— Так я же и пришел, чтобы все по порядку изложить. Вы только не перебивайте меня, Кирилл Сергеевич, а то мысли путаются.

Дятлов вытер рукавом вспотевший лоб.

— Видите ли, Кирилл Сергеевич, с чердаком у нас вышла ошибка. Наш-то дом, то есть номер двадцать первый, соединяется с домом двадцать три. Оба дома под одной крышей, но их чердаки разделяются перегородкой, что мы с вами нарисовали. Оказывается, эта самая перегородка поставлена всего три года назад, а раньше общий чердак был. И, значит, было два хода на чердак: в их доме и в нашем.

Свидетели могут подтвердить. Обследовал я ход в двадцать третьем доме. Там из каждой квартиры четвертой секции через черный ход можно выйти на чердак. Может, эту женщину там убили, а на нашу половину перенесли. Есть у меня там один дружок, Снегов Аким Борисович, тоже на пенсии. Он лет пятьдесят в том доме живет. Всех жильцов наперечет знает. Подозревает он одну... Фриткина, Елена Марковна. Нигде не работает, а на широкую ногу живет. Говорят, похаживают к ней насчет этих самых аборт. Проверить ее нужно, Кирилл Сергеевич. Может быть, тут неудачный аборт был...

Каронин подробно записал рассказ Дятлова и поблагодарил его за помощь.

Дятлов взялся левой рукой за фуражку, привстал, как будто собираясь уходить. Потом снова сел, повернулся к Каронину и как бы невзначай бросил:

— А мертвая-то ведь ожила...

Каронин, не поняв о чем идет речь, вопросительно посмотрел на Спиридона Никитича.

— Да, да, нашлась она и вот уже больше недели гостит у родителей.

— Да о ком вы говорите? — спросил следователь.

— Все о ней же, о Маргарите Ивановой, про убийство которой в свое время поговаривали в городе.

— Не может быть! — крикнул Каронин.

— Поверьте мне, Кирилл Сергеевич, — старик врать не станет.

На лбу Каронина выступил холодный пот, в голове все перемешалось: фотокарточки, акты экспертиз, допросы свидетелей, подозреваемых, признания, отрицания. Единственное, на что он сейчас был способен, это пригласить отца Маргариты и узнать детали, которые сделают более ясным путь заблуждений.

Прощавшись с Дятловым, Каронин тут же послал вызов Иванову.

* * *

Отцовский рассказ был горьким испытанием не только для следователя, но и для самого Иванова. Увидев слезы на глазах отца, услышав его взволнованные слова о том, как Маргарита, спасаясь от ухаживаний Жоры Гангстера, уехала

с любимым человеком на Дальний Восток, как его влияние спасло ее, о внучке, которой исполнилось пять лет, Каронин не мог задать ему ни одного вопроса, не мог бросить упрек, почему он так легкомысленно отнесся к опознанию. Ясно: горе затмило свет, воспаленное воображение закрыло дорогу к реальному. И Каронин с той же страстностью, с какой он допрашивал других, вдруг обратился к самому себе: «А расскажи-ка, товарищ Каронин, все, что тебе известно по делу о неправильном следствии!»

Акты экспертизы... Разговор со стариком Ивановым... Он произнес кличку: «Жора Гангстер». Да, с этого все началось. Услышав именно эти слова, Каронин «почувствовал»: здесь что-то кроется... И, конечно, на допросе Бакуновой он не столько думал о всестороннем выяснении обстоятельств дела, сколько ждал, когда она произнесет имя Жоры Гангстера. И, не дождавшись, произнес его сам. А разве не он сам всем своим поведением дал понять этой перепуганной женщине, что ему, следователю, хочется, чтобы она как можно чернее обрисовала облик Ершова? И память выдвигала на первый план самые неприятные, обвиняющие Каронина подробности. «А может быть, он и в самом деле убил ее?» — спрашивал он у Бакуновой.

И спрашивал, и шутил, и намекал он просто так, мимоходом, вскользь, с невинным желанием прощупать свидетеля, помочь ему восстановить в памяти детали. А что получилось? В протокол допроса записывались только окончательные показания свидетелей, а наводящие вопросы, шутки и намеки умирали в стесках следственного кабинета. Но, к счастью, все это было пресечено опытной рукой прокурора. И хотя сейчас надо было начинать все сначала, Каронин не жалел об этом.

* *
*

Холодный осенний вечер. В домах Портовой улицы зажигаются огни. Оранжевые, голубые, зеленые абажуры, словно огромные елочные украшения, вспыхивают в окнах четвертой секции дома номер двадцать три. Там, за этими окнами живут разные люди. У каждого из них свои заботы, своя жизнь. В эту жизнь трудно проникнуть постороннему человеку.

Елена Марковна Фриткина оказалась маленькой крашеной блондинкой с огромными красными бусами на старею-

щей шее и такими же серьгами в ушах. Она встретила Каронина и понятых спокойно.

— Прошу вас располагаться как дома,— с подчеркнутой любезностью сказала Елена Марковна.— Только вы позновато пожаловали. Сейчас октябрь, а последний аборт я сделала в феврале. Сами понимаете, амнистия все списала. Стало возможным начать новую жизнь. И я ее начала.

Сквозь приоткрытую дверь спальни Каронин увидел зеркальный шкаф и на нем горку разных чемоданов. «Если что-нибудь и сохранилось с тех пор, так это только вещи. Их и нужно искать»,— решил он и приступил к обыску.

При осмотре вещей Каронин обратил внимание на то, что многие платья переделаны с большего размера на меньший. Это было заметно по старым швам и чрезмерно большим запасам. Он спросил Фриткину о причине переделок. Видимо, не ожидая такого вопроса, Елена Марковна растерялась и стала рассказывать, как ей случилось однажды очень дешево купить на рынке несколько платьев, которые, хотя не подходили по размеру, но очень ей понравились, и она решила их переделать.

В чемоданах оказалось несколько импортных отрезков и много других вещей. Фриткина заявила, что все эти вещи куплены ею во время войны лично для себя.

На внутренней стороне крышки самого большого черного чемодана Каронин увидел надпись на немецком языке: «На добрую память дорогой русской девушке Леночке Смирновой от фрау Мюллер. 15 августа 1947 года, город Зильдорф». Каронин отложил чемодан в сторону. Спустя некоторое время, он спросил Фриткину:

— В 1947 году к вам заезжала Елена Смирнова?

На мгновение в глазах женщины сверкнула искра страха, но она тут же овладела собой и почти спокойно сказала:

— Да, заезжала. Это моя двоюродная сестра. Я подавала заявление в домоуправление о том, что она поживет у меня дня три. Она ехала из Германии и оставила мне эти чемоданы и еще кое-какие вещи.

— А куда она от вас уехала? Где она сейчас живет?

— Она уехала к себе домой... в Читу,— ответила Фриткина.— А потом вышла замуж и уехала с мужем куда-то на север. Мы перестали с ней переписываться.

Уже заканчивая обыск, Каронин обратил внимание на красивую серебряную шкатулку. На крышке шкатулки была

выгравирована надпись: «Елочке от лейтенанта Петрова А. А. 1944 год».

— А эта вещь кому принадлежит?

— Вы спрашиваете так, будто это не моя квартира,— капризно протянула Елена Марковна.— У меня ведь тоже были поклонники. И представьте себе, кое-что дарили.

— Эту шкатулку мне придется пока изъять.

— Это ваше дело, гражданин следовательно.

* * *

*

Каронину удалось установить, что Елена Смирнова, знакомая с некоей фрау Мюллер из города Зильдорфа, была военнослужащей. К объяснениям, которые прислала Мюллер, были приложены две фотокарточки старшины медицинской службы Елены Федоровны Смирновой, демобилизованной из армии 14 августа 1947 г. и выехавшей к месту постоянного жительства в Мурманск, улица Кирова, дом двадцать пять.

Каронин взглянул на фотографию Смирновой и вздрогнул. Вытащив из сейфа снимок лица, восстановленного по черепу профессором Герасимовым, и положив его рядом с фотографией Смирновой, он удивился их поразительному сходству. Тот же узкий монгольский разрез глаз, тот же овал лица и припухлость губ. Единственное, что не совпало — это прическа. На снимке Герасимова она была гладкой, а у Смирновой красовалась копна пышных вьющихся волос.

Каронин немедленно созвонился с прокуратурой Мурманска и попросил обеспечить срочный приезд кого-нибудь из родных Смирновой.

И вот через три дня в кабинете Каронина уже сидел здоровенный мужчина с рыжей бородой — с виду типичный северный помор, отрекомендовавшийся Федором Смирновым, отцом Елены Смирновой.

* * *

*

— Вам кто-нибудь из этих мужчин знаком? — спросил Каронин Елену Марковну, указывая на четырех крупных бородатых мужчин, смиренно восседавших на скамье у окна следственного кабинета.

Бросив на них беглый взгляд, Фриткина недоумевающе пожала плечами.

— Первый раз в жизни вижу их.

— Жаль,— вздохнул Каронин.— А ведь один из них ваш дядя, отец вашей двоюродной сестры Елены Смирновой. Познакомьтесь, Федор Степанович, со своей племянницей,— предложил Каронин оторопевшему Смирнову.

— Да что вы, гражданин следовательно,— запротестовал тот.— Никогда у нас и в роду таких не бывало. Ошибка тут какая-то вышла...

Фриткина взглянула на Смирнова широко раскрытыми, полными ужаса глазами и попятилась к стене, словно перед ней стояло привидение.

— Не пугайтесь, Елена Марковна,— произнес Каронин.— Подойдите к моему столу. Вам знакомо это письмо? Графическая экспертиза установила, что этот почерк принадлежит вам. Вот, познакомьтесь с заключением. Вы писали родителям Смирновой о том, что их дочь осуждена на семь лет за спекуляцию?

— Да, писала. Она действительно была осуждена,— с надеждой вздохнула Фриткина.

Каронин положил на стол фотографии Елены Смирновой, полученные от фрау Мюллер.

— Вы узнаете свою двоюродную сестру?

— Узнаю. Но только я неправду сказала, что она моя сестра. Она была моей хорошей подругой... Она была для меня ближе, чем сестра. Поэтому я так и написала в домоуправление...

Каронин раскрыл дело и показал Фриткиной акт, присланный профессором Герасимовым, о восстановлении лица по черепу, найденному на чердаке дома номер двадцать один по Портовой улице.

— А теперь познакомьтесь вот с этим документом и взгляните на фотографию.

В кабинете наступила напряженная тишина. Стенные часы отбивали четкий, тревожный такт. Вдруг папка с делом выскользнула у нее из рук, и Елена Марковна лишилась чувств.

Каронин бросился к телефону, чтобы вызвать врача. Фриткина стала хрипло дышать, а потом громко всхлипывать. Открыв глаза, она заплакала, судорожно вздрагивая.

Пришел врач. Он пытался успокоить ее, предлагал выпить какое-то лекарство, но она оттолкнула его руку и зарыдала еще громче.

Допрос пришлось отложить.

Часа через три Фриткина сама попросила Каронина допросить ее.

— Я хочу рассказать вам всю правду,— устало заговорила она, входя в кабинет.— Только прошу вас записать в протокол, что я сама решила чистосердечно признаться.

— Хорошо. Все будет записано. Я вас слушаю.

Елена Марковна вытерла влажные глаза маленьким голубым платочком и начала свою исповедь:

— С Леной Смирновой я познакомилась еще во время войны. Ее часть долго стояла в нашем городе. Потом Смирнова уехала на фронт, и больше я о ней ничего не слышала. И вот в сорок седьмом году, кажется в сентябре, она заехала ко мне по пути из Германии. Сказала, что едет домой и хочет остановиться у меня погостить, посмотреть город. Потом рассказала мне о своем неудавшемся замужестве: жила душа в душу, пока она не стала настаивать на регистрации. Тогда он признался, что у него есть жена и двое детей. Лена не захотела разбивать чужое счастье. Она ушла от него, несмотря на то, что была в положении на четвертом месяце. Она умоляла меня сделать ей аборт, так как страшно боялась отца. Все твердила, что он убьет ее за такой позор. Я не хотела делать. Отговаривала ее. На четвертом месяце это опасно. Но она готова была на все. Даже письмо хотела написать, чтобы за все последствия винили только ее. Но я ведь знала, что в случае чего это письмо мне не поможет. Долго я не соглашалась. Как будто предчувствовала, чем это кончится. Но Лена так умоляла, так терзалась...— Фриткина снова поднесла к глазам платочек и попросила воды.— Конеч вам известен,— продолжала она, успокоившись.— Это было ужасно. Умерла она как-то сразу. Я даже не успела ничего предпринять... А потом отгащила ее на чердак...

Разыскав среди вещественных доказательств шкатулку с надписью, Каронин обратился к Фриткиной:

— Не об этом ли лейтенанте Петрове рассказывала вам Смирнова?

— Нет. Эта шкатулка моя,— тихо ответила Елена Марковна.— Мне теперь уже незачем гадать. Я во всем призналась. У меня осталось много вещей Смирновой, но эту шкатулку подарили мне.

Итак, преступница изобличена. Она призналась в своем преступлении, и Каронин мог бы к собственному удовлетворению и облегчению закончить, наконец, это запутанное, сложное дело и передать его в суд. Теперь ни у кого не могло возникнуть и тени сомнения, что виновницей смерти Смирновой является Фриткина. Ее признание было убедительным, логичным и вытекало из всех материалов дела. Она, врач-гинеколог, еще в войну занималась незаконным производством аборт. Смирнова, будучи знакомой Фриткиной, конечно, знала о ее специальности. Поэтому-то, желая сделать аборт, она и заехала к ней. Вряд ли она заехала бы к Елене Марковне в иной ситуации. Ведь они даже не переписывались...

Так думал Каронин, стараясь отогнать обуревавшие его сомнения. Но вопреки его воле перед ним складывалась иная, не менее стройная и логичная картина поведения обвиняемой. После того как был обнаружен скелет на чердаке соседнего дома, она, конечно, сразу догадалась, зачем к ней пожаловал следователь, хотя, быть может, и не ждала его. Она раскаялась в своих прошлых преступлениях, преследуя две цели: отвлечь внимание следователя «искренним» признанием своей вины в менее тяжком преступлении и на случай разоблачения подготовить версию о неудачном аборте.

Была ли Смирнова беременной — вот главный вопрос, вставший перед Карониным, как только он решил продолжать расследование. Он понимал, что спустя шесть лет выяснить это очень трудно, может быть, даже невозможно. Помочь этому могли только два источника: медицинская карточка Смирновой и, видимо, лейтенант Петров, который, по глубокому убеждению Каронина, был знакомым Лены Смирновой.

Предположение об этом знакомстве подтвердилось. Петров служил вместе со Смирновой и демобилизовался из армии в звании капитана в 1949 году.

Каронину удалось встретиться с бывшим капитаном Алексеем Антоновичем Петровым. Узнав, в чем дело, Петров

рассказал Каронину историю своих отношений с Еленой Смирновой.

Они работали в одном госпитале: он хирургом, она медсестрой. Полюбили друг друга. Но о регистрации как-то не задумывались. Во время войны некогда было, а после войны решили сделать это на родине. Потом Лена стала расстраиваться из-за того, что у них не было ребенка. Врачи установили у нее бесплодие. Супруги решили, что Лена должна уехать на родину, чтобы полечиться у профессоров. Из Германии Лена уехала в августе сорок седьмого года, а через два месяца Петров получил письмо от ее родителей о том, что она осуждена на семь лет за спекуляцию. Он не поверил. Писал во многие учреждения, но отовсюду получал один и тот же ответ: «О гражданке Смирновой никаких сведений не имеется».

Шли годы. Лена не писала. Сначала Петров думал, что она стыдится написать из заключения, а потом решил: разлюбила.

Петров опознал шкатулку, которую подарил Смирновой еще во время войны.

Теперь, когда картина окончательно прояснилась, Каронин решил провести последний допрос обвиняемой.

* * *

Фриткина вошла в кабинет и, вновь увидев трех сидящих у окна мужчин, стерла с лица виноватую улыбку и испуганно-вопросительно взглянула на Каронина.

— Решил представить вам старого знакомого, — сказал Каронин. — Надеюсь, на этот раз узнаете?

Фриткина пожала плечами.

— Если вы намекаете на лейтенанта Петрова, то за войну я знала по крайней мере трех Петровых. Один Анатолий Аркадьевич, другой Афанасий Андреевич, а третьего я даже не помню, как звали. И все они были лейтенантами, — спокойно сказала Елена Марковна, повернувшись спиной к опознаваемым.

Каронин решил раскрыть перед Фриткиной все карты.

— Однако, — произнес он резко, и это простое слово заставило ее вздрогнуть, — присутствующий здесь Алексей Антонович Петров из десяти предъявленных ему шкатулок опознал только одну. Ту самую, что подарил Смирновой.

Фриткина молчала.

— Вы можете ознакомиться с показаниями Петрова,— продолжал Каронин.— Почитайте, и вы вспомните, как горячо мечтала Смирнова иметь ребенка и что мешало ей осуществить это желание...

Каронин раскрыл перед Фриткиной дело, но она даже не взглянула на него.

— Ознакомьтесь,— решительно предложил следователь.— Вот заключение профессора Власова. Это имя, вероятно, вам знакомо. Власов осматривал Смирнову 5 сентября 1947 года.

Фриткина опустила голову. Она задыхалась. Каронин подал ей стакан воды. Женщина сделала судорожный глоток и залилась слезами.

— А вот здесь...— спокойно продолжал он, но допрашиваемая остановила его вялым движением руки.

— Не надо,— сквозь слезы прошептала она.— Не надо. Я все расскажу...

Несколько секунд были слышны только всхлипывания. Потом Фриткина сама протянула руку к стакану с водой, двумя глотками осушила его до дна и вдруг совершенно спокойно сказала.

— Я убила Смирнову. Я все расскажу...

Целый час длился ее рассказ, путаный, сбивчивый, прерываемый то плачем, то долгим молчанием. Каронин не перебивал Фриткину.

Она рассказала о том, как завидовала Смирновой. Фриткина считала, что красивые платья, которые она видела у нее, были ей совсем ни к чему в Мурманске. Она предложила Смирновой уступить ей свой гардероб за хорошую цену. Та отказалась. Ночью Фриткина задушила подругу. Нет, она вовсе не хочет оправдываться и вводить в заблуждение следствие. Она признает, что убийство было совершено из корысти...

Фриткину увели. Каронин прошелся по кабинету. Как долго тянулось это дело! Сколько времени было потрачено, чтобы изобличить преступницу!..

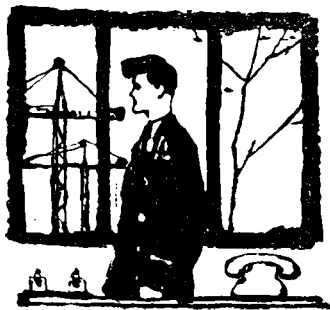
Но разве только на это потрачено время? Разве недели, посвященные этому действительно сложному делу, не принесли и другого результата? Следователь Каронин теперь знал и понимал гораздо больше, чем в тот день, когда он принял дело к своему производству.

И он вдруг почти физически почувствовал ту сумму огромных усилий, которые приходится тратить для того,

чтобы подняться еще на одну, следующую ступеньку в искусстве следователя.

Да, так будет всю жизнь. Крупица за крупицей будут накапливаться опыт, умение анализировать события и поступки, находить трудноуловимую и единственно верную линию, которая ведет к истине...

И после успешно завершенного дела будет возникать ощущение бодрости, готовность к новым поискам, бессонным ночам, кропотливым анализам, тщательному, непрестанному труду, от которого зависит так много в человеческих судьбах, вверенных обществом своему надежному и бдительному стражу — следователю.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Неожиданное доказательство	3
Признание	27

*

Безуглов Анатолий Алексеевич

«НЕОЖИДАННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО. ПРИЗНАНИЕ»

Редактор *В. М. Чикун*

Художник *Ю. М. Вечерский*

Художественный редактор *И. Ф. Федорова*

Технический редактор *Н. В. Тимофеева*

Корректор *В. Д. Рыбакова*

Сдано в набор 10/V 1961 г. Подписано в печать 26/VI 1961 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 1,5; условн. печ. л. 2,46; учетно-изд. л. 2,36. Тираж 100 000. А-06237. Цена 5 коп. Заказ № 1784.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова.
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуев, 28.